

УДК: 821.111-312.6

doi 10.17072/2304-909X-2023-17-62-71

НЕАДЕКВАТНОСТЬ ФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЗЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА О ДЕТЯХ

Дмитрий Олегович Обголец

аспирант отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)

121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25А, стр.1

zolodets@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1635-3188>

Статья поступила в редакцию: 11.10.2023

В статье анализируются стратегии репрезентации формального образования детей в ряде произведений Генри Джеймса. Для него формальное образование выполняет другие, не образовательные, функции, а знание в нем сужается до внешней материальной формы. Педагогические практики такого образования признаются неадекватными. В тех же случаях, когда знание и его содержание раскрываются, оно неизменно носит прикладной характер для бизнеса, коммерческой активности, ведения дел.

Ключевые слова: детство, образование, репрезентация, американская проза, педагогика.

Время, когда Генри Джеймс писал свои основные произведения, стало началом серьезных изменений в статусе университетов для американского среднего класса. Теперь уже не изолированные «храмы знания», они стали распознаваться как институты, адаптированные для «погоны за богатством, социальной мобильности, профессионализма, технического и практического знания, административной экспертизы и организационных навыков» [Graham 2010: 310]. Высшее образование могло удовлетворить претензии имущих классов на умственное превосходство, а могло стать средством капитализации знаний.

В зарубежном джеймсоведении проблема образования рассматривалась, в частности, Дж. Аттриджем в статье “The Lesson of the Master: Learning and Cognition in What Maisie Knew” (2011) и У. Грэмом в сборнике статей “Henry James in Context” (2010). Наша задача – систематизировать уже известные наблюдения, привлекая произведения, где автор в той или иной мере затрагивает эту проблему,

и сконцентрироваться на противопоставлении «форма – содержание» как ключевому в вопросе образования у Джеймса.

Отношение Генри Джеймса к формальному образованию в ряде произведений, в центре которых – дети, более чем неоднозначное. Стратегии репрезентации формального образования детей в его прозе позволяют говорить о важных расхождениях с доминирующими на то время взглядами на образование между представителями праздного класса (к которому принадлежал и сам Джеймс) и художниками, чья профессионализация закрепляется в то же время. Джеймс обращает внимание, прежде всего, на форму образования, делая его содержание пустым. Гипотеза заключается в том, что для него формальное образование, в частности в автобиографии «Маленький мальчик и другие», выполняет другие, не образовательные, функции, а знание в нем сужается до внешней материальной формы. В тех же случаях, когда знание и его содержание раскрываются, оно неизменно носит прикладной характер для бизнеса, коммерческой активности, ведения дел.

В автобиографии Джеймс описывает целый ряд образовательных учреждений как в США, так и в Европе, где ему и братьям приходилось учиться. Семья проводила достаточно много времени в Европе, и эти путешествия прерывают повествование о взрослении Джеймса в Нью-Йорке. Образование, получаемое Джеймсом в подобных институтах, спорадическое, лишённое плана и цели. Описание образовательных институтов обращает внимание на характеры учителей и атмосферу в школе, а не на то, что в них преподают, «потому что преподаваемые предметы не имели никакого влияния на братьев» [Kovacs 2015].

Автобиографию Джеймса мы будем рассматривать как художественный материал, направленный на создание «себя». Как подчеркивает теоретик автобиографической прозы Пол Джон Икин, «создание прозы о себе, а именно создание художественного “я”, – это факт, который, скорее всего, будет фактом не просто в создании автобиографии, но в создании жизни» [Eakin 1988: 685].

Однако у Джеймса образование – школьное или домашнее – выполняет для взрослых совсем другие функции, а риски связаны не с преподавателями, а с родителями и опекунами.

Формальное образование детей призвано высвободить родителей от необходимости заниматься своим ребенком, чтобы у представителей праздного класса оставалось больше времени на «взрослые» дела. Так, в «Повороте винта» (“The Turn of the Screw”, 1898) Майлза отдают в школу только потому, что иначе его дяде пришлось бы принять участие в воспитании мальчика. Позднее, после отчисления Майлза из школы,

это событие становится предметом для беспокойства не потому, что доступ Майлза к знаниям будет ограничен. Гувернантка и миссис Гросс переживают из-за причин отлучения мальчика. Майлз не может вернуться в школу, потому что он, как предполагает прислуга, угроза для других. Гувернантка не сомневается в умственных способностях мальчика, а переживает из-за нарушения им каких-то правил и норм морального характера. Потенциальное отсутствие доступа к знаниям и невозможность получить законченное образование не волнует ни самого Майлза, ни его наставников. Гувернантка хочет добиться скорейшего возвращения Майлза в школу, чтобы быстрее сгладить скандал и избежать объяснений со своим работодателем, дядей Майлза. Тогда как сам Майлз настаивает на возвращении только потому, что он хочет быть со своими, а не с маленькой сестрой и навязчивой гувернанткой.

Еще более ярко этот аспект выделен в романе «Что знала Мэйси» (“What Maisie Knew”, 1897). Поскольку по решению суда девочка и ее время с каждым из родителей должны быть поделены поровну между ними, Мэйси перемещается между домами отца и матери, а позже, когда ни одна из сторон не заинтересована в ней, задерживается подолгу в одном из домов, а ее обучение возложено на гувернанток и прислуг. Всего Мэйси обучают по ходу романа 4 гувернантки, а вдобавок приемный отец дает ей книги, водит на краткосрочный курс лекций. Для родителей и приемных родителей домашнее образование для Мэйси становится способом занять ее так, чтобы у них оставалось время на собственные интриги.

В середине романа приемные родители Мэйси предлагают ей посетить «курсы» в «институтах» по разным «предметам» [James 1908: 113]. На предложение приемной матери Мэйси переспрашивает, не понимая, что такое предметы. Из этого можно узнать, что все обучение с гувернантками даже не доходило до предметов. Приемная мать, миссис Биль, имеет смутное представление о системе образования вообще и «предметах» в частности. Она сообщает приемной дочери, что та посетит лекции «по самым важным [предметам]. Французская литература и священная история» [James 1908: 113]. Важнее для приемных родителей то, что их ребенок будет ходить на уроки с «ужасно умными детьми» [James 1908: 113].

Кроме того, сами родители тоже вызываются посещать лекции. Образовательные курсы выполняют здесь двойную функцию. Во-первых, они призваны стать очередным развлечением для взрослых, для которых лекции встанут в один ряд со светскими собраниями, прогулками, походами в театр. Во-вторых, это способ для взрослых

поднять собственный статус за счет ребенка. Если Мэйси будет посещать лекции вместе с умными детьми, значит, родители смогут этим похвастаться на тех же светских собраниях. Но лекции как внезапно начинаются, так и внезапно заканчиваются, не принеся никакого результата, показав лишь, что родители из среднего класса не рассматривают формальное образование для ребенка как необходимое для получения профессии или продвижения по социальной лестнице.

Дж. Аттридж на примере Мэйси в романе «Что знала Мэйси» отмечает, что ее занятия в школьной комнате превращаются в «пародию на образование» [Attridge 2011: 23]. Обучение Мэйси с гувернантками часто описывают в категориях иронии и сатиры. Однако можно проследить, что образование лишено содержания и сводится лишь к голой форме. Поскольку сами персонажи произведений Джеймса понимают свою преподавательскую некомпетентность и знание воспринимают как набор определенных «фактов», то даже они видят в образовании только внешнюю форму. Так, в «Что знала Мэйси» рассказчик особенно останавливается на форме образовательного процесса и том, как ее видят носители знания: «Излияния миссис Викс были безграмотны и непродуктивны; она не постеснялась заявить, что это чудовищно, чтобы женщина в здравом уме отдала формирование ума своей дочери в такие неумелые руки. Мэйси прекрасно понимала, что владелица старого коричневого платья и старого странного головного убора по шкале «формы» стоит ниже, чем мисс Овермор; но теперь она с болью осознала, что в образовательном отношении о ней не может быть и речи» [James 1908: 41].

Обучение здесь имеет две разновидности. Первую представляют мисс Овермор, а также публичные лекции, вторую – миссис Викс. Первый педагогический подход состоит в заучивании определенных правил, конструкций, законов и т.д. От ученика ожидается, что он или она смогут всегда повторить выученные фразы, при этом не важно, понимает ученик смысл выученного или нет. Знания же сводятся к набору застывших сведений о мире, виногрету из разных наук, чем так хвастается мисс Овермор: она «могла назвать много дат сразу... указать положение Малабара, сыграть шесть пьес без нот и в наброске прекрасно изобразить деревья, дома и трудные места» [James 1908: 27].

В случае же лекций, которые посещают Мэйси и ее приемные родители, от знаний остается только материальная оболочка. Обучение получает материальное выражение в здании института с «большими серыми комнатами», «рядами лиц», а само образование уже должно быть хорошим по умолчанию из-за размеров здания [James 1908: 164]. Содержание самих «предметов» не раскрывается ни Мэйси, ни

взрослыми, только лишь сообщается, что «тема была самая глубокая, лекция наидлиннейшая, слушатели наужаснейшие» [James 1908: 166].

Вторая разновидность обучения как бы отсрочивает само образование вообще: педагогический процесс слишком комплексный и требует подготовки, выстраивания программы, составления списка «предметов». Но «много предметов гувернантка откладывала из недели в неделю, и до них так и не дошли; она только повторяла: “мы займемся этим в нужное время”» [James 1908: 27]. Она не терпит спонтанности и игры воображения, а требует дисциплины. Девочка же должна быть чем-то занята, поэтому миссис Викс вместо «предметов» предлагает Мэйси пересказы «романов, которые она читала, пересказывая их по памяти, которая никогда не подводила, со всем богатством деталей, что восхищало Мэйси. Все они были о любви, красоте, графинях и пороке» [James 1908: 27]. Важно, что первая разновидность взрослыми в романе поощряется и приветствуется, тогда как вторая порицается, считается «забыванием мозгов», при этом в обоих случаях взрослые не иницируют никакого улучшения качества образования для Мэйси. Они не видят необходимости в нем, поскольку оно вряд ли позволит в дальнейшем изменить социальное положение Мэйси.

Новелла «Поворот винта» и рассказ «Ученик» (“The Pupil”, 1891) еще более скудны на описание формы либо содержания процесса обучения. Майлз после отчисления даже не упоминает ни учителей, ни учеников, ни проходимые предметы, чем вызывает удивление у гувернантки. После возвращения Майлза в поместье гувернантка начинает заниматься с ним и его сестрой Флорой, но содержание этих уроков не раскрыто. Обучение подменяется досугом с музыкой и домашним театром. В «Ученике» содержание уроков Пембертона с Морганом не раскрывается. Формальное образование имело столь малое значение для Джеймса, о чем можно судить по его автобиографии, что он даже не добавил детали обучения в эти два произведения.

Как подчеркивает Стивен Клайн в «The Children's Culture Reader», в XIX веке дети все больше исключались из производственных сфер жизни, где они использовались в качестве дешевой рабочей силы. В качестве компенсации им были «предоставлены права на защиту и отдельное институциональное пространство – школы, которые определили новую повестку дня для их обучения» [Kline 1998: 98]. Из персонажей всех рассматриваемых выше произведений только Майлз проявляет желание повлиять на свое образование, настаивая на своем возвращении в школу. Остальные детские персонажи обучаются тому, чему их учат, и не высказывают своего мнения о тех или иных сторонах

своего обучения, желания что-то поменять или изменить.

Наиболее эксплицитно свои взгляды на формальное образование Джеймс выражает в автобиографии «Маленьком мальчике и других» (“A Small Boy and Others”, 1913) через повествователя, вспоминающего о своем детстве. В автобиографии можно найти уже не только внешнюю форму – преподавателей, «предметы», заведения, – но и детали процесса передачи знания от взрослых к детям. И здесь образование сводится к формальным признакам. В памяти от педагогического процесса остаются только имена педагогов – мисс Дэли, мисс Роджерс, а также некоторые черты их внешности. Позже это были уже мужчины-преподаватели, которые продолжают портретную галерею педагогов. От многих преподавателей не остается в памяти даже имен. Даже когда Джеймс с теплыми чувствами вспоминает преподавателей из прошлого, он относит свои чувства прежде всего к личности учителя, но не к профессии, которую он считает устаревшей. Причиной неадекватности формального обучения Джеймс видит вовсе не телесные наказания в школе того времени. Скорее источник в том, что само обучение определялось и рассматривалось как несвободный процесс усвоения и повторения знаний. Те навыки и умения, которые предлагались детям того времени, «широко превозносились как тренировочная база для всех необходимых установок, навыков, знаний и хороших привычек, необходимых как в профессиональной деятельности, так и в быту. В школах дети сталкивались с такими "образовательными" ценностями, как достижение, конкуренция, авторитет, принципиальное поведение, послушание, вознаграждение и наказание» [Kline 1998: 98]. Рассказчик в автобиографии (заметим, что эти мысли выражает не ребенок, учившийся тогда, но взрослый, описывающий прошлое с далекой временной дистанции) как бы мимоходом выражает эксплицитно свое отношение к образованию в школе: «Это в высшей степени странно, что моя главная связь с моими "исследованиями"... должна была быть связана почти с чем угодно, только не с фактом обучения, то есть с тем, чему я должен был научиться» [James 2011: 212].

Обучение, таким образом, не приносит знаний. Занятия в школе или дома принимают свое буквальное значение: они «занимают» время, заполняют определенный период времени в жизни учащегося, но это время занято впустую, тогда как «пустое» время других, внеучебных «занятий» приводит к приобретению знания.

Школьное образование связано, прежде всего, с зубрежкой и повторением отдельных «фактов», нарисованных, например, на карточках. Более образен Джеймс, когда прибегает к сравнению учеников с «многочисленными кусками хлеба насущного». А знание –

это «масло арифметики и правописания, в добавку к джему», которое наносит учитель на хлеб. Знание в школе буквально растекаются, не попадая «внутрь» учеников. Знания слишком много, и оно лишено прямой практической пользы для маленьких учеников. Свое состояние во время учебы Джеймс называет странным: «странно – во всяком случае, это могло быть только так – быть настолько глупым, не будучи более грубым, и таким пронизательным, не будучи более заинтересованным» [James 2011: 224]. Усилия ученика в школе направлены не туда, а его заинтересованность в подобного рода занятиях быстро улетучивается.

Неудовлетворенность Джеймса формальным образованием кроется не только в устаревших и не отвечающих его требованиям педагогических практиках, но имеет более глубокую причину, эксплицитно названную только в автобиографии. В тех кругах, в которых рос Джеймс, образование было неизменно поставлено на службу бизнесу. Получение специального образования имело смысл только в том случае, если ученик в дальнейшем должен был заниматься коммерцией, предпринимательством. Соответственно, образование состояло в развитии тех практических навыков и свойств, которые в дальнейшем могли быть полезны в банке, коммерческой конторе, торговом предприятии и т.д.

Такой подход к формальному образованию был обусловлен классово и исторически, однако Джеймс переносит его на все образование того времени. Принятие такой формы означало согласие с будущим в коммерции, отказ же означал другие карьерные пути.

Джеймс так характеризует то время: «...поскольку мир был настолько просто устроен, что все, что не было бизнесом, а именно офисом или "магазином", места, в которых люди сидели рядом и делали деньги, было просто удовольствием» [James 2011: 75]. В автобиографии он пытается доказать две взаимосвязанные вещи: что он ничего не понимал в коммерции и что он ничего не усвоил из тех занятий, которые развивали навыки, которые позднее могли бы пригодиться в бизнесе.

Джеймс не только отрицает какие-либо знания о мире коммерции, но даже горд этим: «...бизнес в мире бизнеса – это то, о чем мы больше всего соглашались... ничего про него не зная. Мы не касались его, а он не касался нас... я думаю, что наша увлеченная отстраненность... сделала нас... прискорбным случаем» [James 2011: 85]. Те, кто учился и потом уходил заниматься предпринимательством, попадали в лучи света, те же, кто отказывался от таких знаний, ставили себя в чем-то опасное положение. Они рисковали остаться без надежного места в банке, магазине, торговом предприятии.

Как и от формального образования в целом, от занятий, которые вели коммерсанты и бизнесмены, у Джеймса остались странные впечатления: «Я вспоминаю странных соседей и собратьев по парте, которые... были странными и чудовищными из-за обладания, культивирования, копирования бухгалтерских книг, ежедневников, двойной бухгалтерии, страниц с цифрами, испещренные косыми линиями» [James 2011: 223]. В его памяти остались не столько знания о бухгалтерии и делопроизводстве, сколько впечатления о людях внутри магазина, наполненного суетой и движением.

Однако неприятие было взаимным (по крайней мере, в этом уверен рассказчик в автобиографии). Не только дети круга Джеймса признали практическое образование непригодным, но и тот бизнес-круг, в котором вращались Джеймсы, посчитал их необучаемыми. При этом не говорится, кто именно признал «профнепригодность» Джеймса и братьев, а только лишь, как «все кругом говорили, что мы не понимаем, не можем и не должны понимать этих вещей, вопросов арифметики и увлекательного расчета, вопросов счетной палаты и рынка» [James 2011: 199]. Джеймсу не хватило «делового воображения» и «вещей, которые его сопровождают», а кроме того, посчитали, что детям в семье Джеймсов недостает игры ума и «интереса к рынку» [James 2011: 200] – черт личности, которые необходимы для ведения дел. Соответственно, те, кто выбрал путь практического образования, делали и создавали вещи и знали, как их преумножить [James 2011: 223], то есть все для них сводилось к подсчетам, имуществу, выгоде и т.д. В середине автобиографии Джеймс открыто признается: «в какой-то степени я чувствовал всю прелесть того, что, под его [отца] руководством, мы не были чрезмерно подготовлены к “бизнесу”» [James 2011: 217].

Имплицитно Джеймс делит детей в своей прозе на две категории: одни подходят для формального обучения, а значит, готовы для будущего в мире коммерции и предпринимательства. Вторые не подходят, и сам бизнес-мир их отвергает как негодных. Такое деление, негласно заявленное в «Маленьком мальчике и других», частично объясняет неприятие формальных педагогических практик в других произведениях автора. Майлз, Мэйси, Морган были созданы Джеймсом как такие дети, чье будущее не лежало в сфере коммерции. Впрочем, жизни Майлза и Моргана в «Повороте винта» и «Ученике» в любом случае оборвались слишком рано, чтобы гипотетически представить их будущее.

Итак, формальное образование выполняет цель занять ребенка, тем самым высвобождая время для досуга родителей, принадлежащих

праздному классу. От такого типа обучения у Джеймса остается лишь форма – набор предметов, лица преподавателей, здания институций. Сами же педагогические практики признаются неадекватными. Причем это не осознается ни родителями, ни детьми, которые в целом показаны как пассивные получатели такого типа формальных знаний. Только в автобиографии, где Джеймс дает более широкую панораму детских типажей, он связывает формальное обучение с его необходимостью для дальнейшей карьеры в мире коммерции. Другие – альтернативные – типы формального знания им не рассматриваются.

Список литературы

Attridge J. The Lesson of the Master: Learning and Cognition in What Maisie Knew // *Sydney Studies in English*. 2011. Vol. 37. P. 22–43.

Eakin P. J. Henry James's "Obscure Hurt": Can Autobiography Serve Biography? // *New Literary History*. 1988. Vol. 19, No. 3. P. 675–692.

Graham W. Social sciences and the disciplines / W. Graham // *Henry James in Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 310–320.

James H. What Maisie Knew. In the Cage. The Pupil. New York: Charles Scribner's Sons, 1908. 576 p.

James H. A Small Boy and Others: A Critical Edition. Charlottesville and London: University of Virginia Press, 2011. 400 p.

Kline S. The making of Children's Culture // *The Children's Culture Reader*. New York and London: New York University Press, 1998. P. 95–109.

Kovacs A.Z. The Ragbag of Memory: Henry James's Scenic Perspective in A Small Boy and Others // *Americana*. 2015. Vol. XI. Number 1. URL: <http://americanajournal.hu/vol11no1/kazs> (last accessed: 01.08.2022).

INADEQUACY OF CHILDREN FORMAL EDUCATION IN HENRY JAMES'S FICTION

Dmitry O. Obozols

Graduate student of the Department of Modern Literature of Europe and America
Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25A, b.1

xolodets@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1635-3188>

Submitted 11.10.2023

The article analyzes the strategies of representation of formal education of children in Henry James's fiction. For him, formal education fulfills other, non-educational, functions, and knowledge is narrowed down to an external material form. The pedagogical practices of such education are recognized as inadequate. When knowledge and its content are disclosed, however, it invariably has an applicable character and serves business and commercial activity.

Keywords: childhood, education, representation, American fiction, pedagogics

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Обольц Д. О. Неадекватность формального образования в прозе Генри Джеймса о детях // *Мировая литература в контексте культуры*. 2023. № 17 (23). С. 62–71. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-62-71

Please cite this article in English as:

Obozols D. O. Neadekvatnost' formal'nogo obrazovaniya v proze Genri Dzhejmsa o detyah [Inadequacy of Children Formal Education on Henry James's Fiction]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture]. 2023, issue 17 (23), pp. 62–71. doi 10.17072/2304-909X-2023-17-62-71